

взгляда на литературный процесс, но и от обратного, сосредоточившись на методологических просчетах, которые влечет за собой нерасчленение двух аспектов исторической поэтики, взаимно дополняющих друг друга. Представляется существенным выделить два рода ошибок: 1) исследователи усматривают влияния и заимствования там, где гораздо правдоподобнее было бы видеть простое сходство типов, совместно отсылающих нас к общему архетипу; 2) смешение П1 и П2 нередко затрудняет проведение операции по размежеванию соседствующих во времени литературных систем. (Взять, допустим, распространенное суждение о том, что поэзия акмеизма есть лишь слегка подновленный символизм, а значит, — логическое заключение — лишь этап, стадия в эволюции символизма. Понятно, что питает эту идею — контраст между «радикализмом» кубофутуристов и «умеренностью» Цеха поэтов действительно резок, однако, по всей вероятности, необходимо более отчетливо дифференцировать символизм и акмеизм, объединив их с разными типами культурно-художественных традиций).

Новая вспышка увлечения проблематикой П2 приходится на 60-е годы (кстати сказать, в это время появляется книга о Рабле и переиздаются «Проблемы поэтики Достоевского» Бахтина). В одних случаях мы можем наблюдать (иногда достаточно корректную) экстраполяцию идей Бахтина относительно карнавального архетипа на все новые и новые произведения, подключение к этому архетипу образов литературного творчества XVIII—XX вв. (чему дал повод сам Бахтин в работе о Достоевском). В других случаях восстановление в правах П2 осуществляется более оригинальным путем — в современных типологических исследованиях. Вот некоторые примеры.

Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров, реконструируя систему семантических противопоставлений, свойственных древнеславянской картине мира, заключают свою книгу следующим утверждением: «Некоторые черты в творчестве больших писателей и художников можно было бы понять как порою бессознательное обращение к изначальному фонду и его возрождение (иногда сознательно подкрепленное обращением к фольклорной традиции; ср. раннее творчество Гоголя, где на украинском материале фактически воспроизведена вся система ... древнеславянских противопоставлений и даже символов, в которых они раскрываются)». ¹⁵ «Особой проблемой, нуждающейся в специальных исследованиях, — замечают эти авторы несколькими страницами ранее, — является ... вопрос о том, в какой мере ... оппозиции древних семиотических систем сохраняются (в качестве архетипов, наследуемых или формируемых с помощью языка примитивных схем и т. п.) для более поздних эпох (ср. хотя бы ... сохранение оппозиции цветов и левой — правой стороны, наличие нечетности как признак чего-то враждебного в литературе, вплоть до женских персонажей Кафки и т. п.). . .» ¹⁶

В связи с конкретным применением этих общих положений вызывает интерес проведенная Топоровым расшифровка космогонического мифа о мировом яйце, оставившего следы в русской сказке, ¹⁷ и рассуждения Вяч. Вс. Иванова о культе близнецов в древнем Риме, сопровождаемые указанием на устойчивость этого мифа, «живучесть которого в поздней

¹⁵ Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. (Древний период). М., 1965, стр. 238.

¹⁶ Там же, стр. 217.

¹⁷ В. Н. Топоров. К реконструкции мифа о мировом яйце. (На материале русских сказок). — В сб.: Труды по знаковым системам. вып. III. Тарту, 1967.